

Можно ли разрешить кипрскую проблему? (Сводный реферат)

Ключевые слова: разрешение конфликтов, кипрский конфликт, «план К. Аннана», Республика Кипр, Турецкая Республика Северного Кипра, политические культуры.

Keywords: Conflict Resolution, the Cyprus conflict, «K. Annan Plan», Republic of Cyprus, Turkish Republic of Northern Cyprus, the political culture.

Предлагаемый материал представляет собой сводный реферат четырех экспертных статей, посвященных проблеме воссоединения Кипра, – проблеме, которая находится в центре внимания международного сообщества с 1974 г., когда северная часть острова была оккупирована турецкой армией и Кипр оказался разделен на две части – греческую и турецкую¹.

¹ История кипрской проблемы начинается в 1963 г., когда в недавно обретшем независимость от Великобритании Кипре начались этнические столкновения между греками и турками острова. В 1964 г. для восстановления мира на остров был введен миротворческий контингент ООН. В 1974 г. политические силы, выступавшие за присоединение Кипра к Греции, совершили государственный переворот на Кипре. Вслед за этим Турция оккупировала север острова, населенный преимущественно турками-киприотами. В 1975 г. произошло территориальное разделение острова на две части. Две общины были разделены «зеленой линией» – буферной зоной, протянувшейся на 180 км с востока на запад. В том же году между общинами греков-киприотов и турок-киприотов был произведен полный

Проведение в 2004 г. отдельных референдумов в обеих кипрских общинах по плану всеобъемлющего урегулирования кипрского вопроса, предложенного ООН¹, стало самым большим дипломатическим успехом за несколько десятилетий. Однако ожидания, возлагавшиеся международным сообществом на этот референдум, не оправдались: план урегулирования одобрили турки-киприоты, но отвергли греки-киприоты. В статье опытного дипломата и миротворца А. де Сото² «Можно ли разрешить кипрскую проблему?» (1) автор анализирует причины неудачи предпринятой попытки разрешения кипрской проблемы в 2004 г., а также высказывает некоторые предположения относительно того, возможно ли урегулирование проблемы в будущем.

В январе 2000 г. Г. Клиридис – лидер греков-киприотов – был готов начать переговоры с Р. Денкташем – лидером турок-киприотов, но он не соглашался проводить их в формате «непрямых переговоров», на котором настаивал Р. Денкташ. Такой формат подразумевает, что лидеры встречаются не друг с другом, а с посредником (роль которого в данном случае играл де Сото) для того, чтобы подготовить общие положения, которые могут стать основой для успешных переговоров (1, с. 399). В ноябре 2000 г., когда Генеральный секретарь ООН К. Аннан объявил о том, что эти положения готовы для рассмотрения, Р. Денкташ заявил, что не доволен их направлением и выходит из переговоров. Потребовался

обмен населением. В 1977 и 1979 гг. лидеры общин закрепили в договорах основные контуры будущего договора на основе двухобщинной двузональной федерации. В 1983 г. турки-киприоты провозгласили не признанную мировым сообществом Турецкую Республику Северного Кипра. – Прим. реф.

¹ Этот проект всеобъемлющего урегулирования также известен как «план Аннана». Документ предусматривал образование конфедеративной «Объединенной Республики Кипр», состоящей из двух равноправных государств – греческого и турецкого.

² А. де Сото участвовал в разрешении конфликта в Сальвадоре в 1992 г., проводил переговоры на Кипре в 1999–2004 гг., а в период с 2005 по 2007 г. был специальным координатором ООН по ближневосточному мирному процессу. А. де Сото является главным научным сотрудником Института международных исследований им. Ральфа Банча (Ralph Bunche Institute) в Нью-Йорке и преподает технологию разрешения конфликтов в Парижском институте политических исследований (Institut d'Études Politiques de Paris).

год, чтобы возобновить диалог, который, однако, вскоре снова зашел в тупик.

К концу 2002 г., потеряв всякую надежду на то, что лидеры смогут прийти к какому бы то ни было соглашению, де Сото принял решение о необходимости проведения референдума по достигнутым на тот момент договоренностям, чтобы гарантировать включение объединенного Кипра в следующий список расширения Европейского союза (ЕС). К. Аннан пригласил лидеров обеих общин в Гаагу, чтобы принять решение относительно проведения референдума по плану урегулирования. К тому времени на севере острова к власти пришла Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi). Однопартийное правительство Т. Эрдогана неожиданно для многих попыталось осуществить давление на правительство Северного Кипра, принуждая Р. Денкташа пойти на значительные уступки грекам и сформировать федеративную республику Кипра. Однако лидер турок-киприотов, заручившись поддержкой сил националистов и военных, оттянул проведение референдума насколько возможно, так как, по его мнению, это могло привести к утрате турками некоторых территорий греков.

Поэтому в Гааге Р. Денкташ не только отклонил «план Анна-на»¹, но также добавил, что больше не намерен участвовать в переговорах, основанных на старой модели. По его мнению, переговоры необходимо было начать с самого начала, причем прежде всего договариваться об общих принципах урегулирования и только потом обсуждать конкретные условия такого урегулирования (1, с. 400). Переговорный процесс вновь остановился.

По мнению де Сото, сегодняшняя ситуация отличается от ситуации 2004 г. тем, что лидеры больше не могут медлить с принятием решений: им необходимо делать решительные шаги навстречу друг другу.

Особая роль в разрешении проблемы отводится автором представителям политических элит обеих кипрских общин. Ход переговорного процесса показывает, что туркам и грекам Кипра не хватает политической воли для решения кипрской проблемы. Поскольку лидеры общин не смогли убедить своих сограждан в необ-

¹ *Комплексный план урегулирования кипрской проблемы, предложенный ООН.*

ходимости поиска компромисса, в 2004 г. урегулировать кипрский вопрос не удалось. Де Сото полагает, что, за исключением нескольких юристов и политических деятелей, до того момента мало кто из греков-киприотов имел представление о сущности федерализма и его отличиях от унитарной системы. Поэтому, например, среди греков-киприотов было распространено мнение, что создание федерации – слишком поспешный шаг (особенно в преддверии вступления в ЕС). Греки-киприоты были не готовы к тому, чтобы два государства, учреждающих Объединенную Кипрскую Республику, стали равноправными в деле управления новым государством (1, с. 401).

На кипрскую проблему, казавшуюся неразрешимой после провала переговоров 2004 г., вновь обратили внимание лишь четыре года спустя. В 2008 г. греки-киприоты избрали своего нового политического лидера – Димитриса Христофиаса, – который возобновил переговоры со своим коллегой из северной части острова. Хотя стороны дали ясно понять, что хотят вести диалог самостоятельно, ООН все же назначила Александра Доунера своим представителем. Де Сото полагает, что в засекреченных комментариях Генерального секретаря ООН и А. Доунера говорится о том, что и на пятый год переговоров желаемые результаты так и не были достигнуты (1, с. 403).

Де Сото, говоря о референдуме 2004 г., выделяет некоторые особенности голосования греческой общины острова. Так, «против» голосовали чаще греки, жившие вдали от разделяющей остров «зеленой линии». Кроме того, молодые граждане, у которых эмоциональное отношение к туркам-киприотам практически отсутствует, чаще пожилых голосовали против предложенного плана, что демонстрирует тенденцию к сужению перспективы разрешения кипрской проблемы (1, с. 403). Де Сото отмечает большую значимость для итогов референдума эмоциональных факторов и задается вопросом: возможно ли, что в более спокойной атмосфере люди проголосовали бы иначе (1, с. 403).

В заключение, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, «Можно ли разрешить кипрскую проблему?», де Сото отвечает: «Да, но при условии...» (1, с. 404). Таким условием является согласие греков-киприотов на урегулирование кипрской проблемы путем создания федеративного государства, состоящего из двух

равных государственно-территориальных образований. По мнению де Сото, греческой стороне необходимо определиться со своей позицией относительно основных принципов такого урегулирования, зафиксированных в договорах 1977 и 1979 гг., лишь после этого, в случае положительного ответа будет возможно возобновить переговорный процесс (1, с. 404). Однако если все же греки-киприоты скажут свое «нет», то единственным вариантом останется признание независимого государства на севере острова сначала ими самими, а затем и мировым сообществом. И все же де Сото выражает искреннюю надежду на то, что после тщательного размышления греки-киприоты поймут, что федеративная форма устройства является наилучшей для Кипра.

Разнообразные социологические исследования способствуют лучшему пониманию современного состояния кипрской проблемы. В период с апреля 2010 г. по февраль 2012 г. М. Флинн, Т. Кинг¹ и их коллеги из Университета Западной Англии при финансовой поддержке ЕС осуществили исследовательский проект под названием «Примирение и мирная экономика на Кипре». Результаты общего исследования домохозяйств, проведенного летом 2010 г., отражены в статье «Ситуация на Кипре: Тупик и недоверие» (2). В опросе приняли участие 1200 респондентов, по 600 человек от РК и Северного Кипра. При проведении исследования на севере острова в выборке не учитывались различия между турками-киприотами и турками, родившимися в Турции (12% от числа опрошенных на севере острова), поскольку предполагалось, что все респонденты заинтересованы в будущем Кипра. Помимо этого, с февраля по март 2011 г. было проведено десять фокус-групповых исследований: пять среди греков-киприотов, четыре среди турецких киприотов и одно среди турок. Также проводились интервью с высшими должностными лицами, лидерами общественного мнения и гражданскими активистами.

¹ М.К. Флинн – научная сотрудница Центра изучения проблем войны и мира им. архиепископа Десмонда Туту в Ливерпульском университете Хоуп (Archbishop Desmond Tutu Centre for War and Peace Studies, Liverpool Hope University); Т. Кинг – член факультета политологии и международных отношений Университета Западной Англии (University of the West of England).

М. Флинн и Т. Кинг высказываются о причинах, по которым киприоты не могут продвинуться в решении проблемы. Среди них: недостаток доверия представителей двух общин друг к другу и отсутствие стимулов к расширению контактов и взаимодействия через разделяющую две общины «зеленую линию». Исследование показывает, что на острове существуют разные точки зрения на сущность кипрской проблемы, что негативным образом сказывается на возможности сотрудничества. Дополнительные сложности создает тот факт, что и греки, и турки острова не доверяют лидерам своих политических сообществ.

Респондентов спрашивали, какая проблема, по их мнению, является сегодня самой важной для Кипра. На первое место и те и другие поставили не состояние экономики или безработицу, а «кипрскую проблему» (2, с. 422). Также опрос показал, что существуют фундаментальные разногласия между членами обеих общин относительно причин возникновения кипрской проблемы и, следовательно, противоположные интерпретации сложившейся на острове ситуации. Так, греческие киприоты полагают, что кипрская проблема возникла в результате внешнего вмешательства и злоупотребления своими полномочиями со стороны иностранцев. Турецкие, в свою очередь, чаще отмечают внутренние причины конфликта, в частности, существование двух этнических сообществ на острове и деятельность националистических группировок внутри этих сообществ (2, с. 422).

Как и предыдущий автор (де Сото), М. Флинн и Т. Кинг отмечают, что значимость кипрской проблемы неодинакова для разных возрастных групп. В частности, с меньшим интересом к проблеме относились молодые греческие и взрослые турецкие киприоты. Позиция первых может быть объяснена тем, что они пользуются благами, которые дает международное признание РК, поэтому очевидно, что для них кипрская проблема не является столь уж насущной и актуальной. А вторые еще помнят о том, как им жилось в статусе этнического меньшинства в управляемой греками РК, и поэтому воспринимают разделение острова как меньшее из зол.

А вот молодые турки-киприоты, испытывающие сложности из-за неопределенности статуса Северного Кипра, а также взрослые греки-киприоты, которые помнят о своем выселении с севера ост-

рова и лишения собственности в 1974 г., полагают, что кипрская проблема имеет очень большое значение. Кроме того, исследования фокус-групп подтвердили, что киприоты в равной степени наделяют кипрскую проблему большой важностью, однако при этом они не в состоянии сказать, почему именно она является значимой. Тот факт, что кипрская проблема имеет столь разное значение для этих двух общин, показывает, что у сторон совершенно различные представления о наилучшем способе разрешения кипрской проблемы.

Из-за различий во мнениях относительно причин конфликта греческие и турецкие киприоты по-разному отвечают на вопрос, кто, по их мнению, направляет ход переговоров. Четверо из пяти опрошенных греков-киприотов полагают, что переговорами управляют иностранные силы, а жители острова ни на что не в силах повлиять, а турки-киприоты склонны думать, что именно их политические лидеры «играют первую скрипку» в переговорах, несмотря на то что в ходе переговоров не были достигнуты какие бы то ни было конкретные, полезные для этой общины результаты (2, с. 423). По мнению киприотов, неторопливый темп переговоров говорит о недостаточной важности кипрской проблемы, решать которую обязательно именно сейчас, следовательно, сама необходимость переговоров часто ставится под вопрос.

Кипрская проблема не влияет на повседневную жизнь населения. Большинство людей живет вдали от демаркационной линии и в другой части острова бывает нечасто: 60% греков и почти 50% турок-киприотов никогда не пересекали «зеленую линию» или же делали это лишь однажды (2, с. 423). И это несмотря на то что обладатели киприотского удостоверения личности (которые есть у жителей обеих общин) могут попасть в другую часть острова относительно легко. Лишь 1% респондентов из числа греков-киприотов посещает территорию общины турок-киприотов чаще одного раза в неделю, а среди турок таких 6% (2, с. 424). Согласно данным исследования, многие люди не желают, чтобы процедура пересечения демаркационной линии была упрощена или чтобы открывались новые КПП. Для многих респондентов сохранение статус-кво в этом вопросе является наиболее приемлемым вариантом, а возможное облегчение пересечения границы воспринимается настоятельно.

Многие киприоты отрицательно относятся к взаимодействию с другой стороной. Довольно большое число греков-киприотов (почти половина) ответили, что они перестали пересекать «зеленую линию», поскольку визит на территорию соседней общины вызывает у них сильное огорчение (2, с. 424). Стоит отметить, что основными причинами поездки на территорию другой общины для них является посещение исторических и культовых мест, своих старых домов, откуда они были вынуждены уехать после разделения. В свою очередь, турки-киприоты пересекают демаркационную линию чаще и делают это главным образом для совершения покупок, посещения ресторанов или пользования услугами бесплатной медицины (2, с. 424). У многих греков-киприотов было отмечено нежелание наладить взаимодействие с Севером, поскольку это, по их мнению, может привести к признанию этой части острова в качестве независимого субъекта. Многие респонденты заявили, что, находясь на территории Севера, они стараются не тратить там деньги, чтобы не помогать развитию экономики турецкой общины (2, с. 424).

Данные исследования говорят о том, что греки и турки Кипра в равной степени не доверяют представителям другой общины (по две трети респондентов) (2, с. 425). М. Флинн и Т. Кинг видят причину этого в том, что внутри самих общин наблюдается нехватка доверия между гражданами. «Как греки-киприоты, так и турки-киприоты одинаково не доверяют ближним, и это недоверие становится еще более явным в отношении представителей другой общины» (2, с. 425). Турки и греки острова высказались однозначно против того, чтобы их начальник был выходцем из другой общины (2, с. 425). Авторы настаивают на том факте, что доверие респондентов к представителям другого сообщества по мере увеличения контактов с ними только уменьшается (2, с. 425).

Необходимость интенсифицировать переговорный процесс часто обосновывают экономическими потерями, которые обе стороны терпят из-за разделения острова. Данное исследование домохозяйств выявило, что у двух общин много общего и что и турки, и греки Кипра являются, скорее, экономически развитыми сообществами. Однако эти два сообщества выбрали разные пути экономической интеграции. Если греки-киприоты прочно связаны с европейской и глобальной экономикой, то община турок-киприотов

фактически является частью экономики Турции и стремится укрепить свои связи с Ближним Востоком и Средней Азией.

Следовательно, нельзя с уверенностью сказать, что обе стороны терпят экономические потери из-за разделения острова. Кроме того, М. Флинн и Т. Кинг полагают, что после объединения Кипра Север вряд ли станет младшим и менее развитым партнером РК.

По мнению М. Флинн и Т. Кинга, вопрос безопасности – это ключевая тема для киприотов. «План Аннана» критиковали как раз за то, что в нем мало внимания уделялось вопросам безопасности, в то время как исследование 2007 г., выполненное ВСООНК¹, ясно показало, насколько важной для киприотов была эта тема. Опрос и исследования фокус-группы, проведенные в 2011 г., действительно продемонстрировали, что «кипрская проблема во многом сводится к проблеме безопасности» (2, с. 426).

Гарантами безопасности кипрских общин являются внешние по отношению к Кипру силы: для юга – это миротворческий контингент ООН, а для севера – турецкая армия. «Вопрос о решении кипрской проблемы, следовательно, сводится к тому, кто и как сможет гарантировать безопасность обоим сообществам в будущем» (2, с. 426). В связи с тем что миротворцы ООН и турецкая армия являются непостоянными акторами кипрского конфликта, наибольшую актуальность приобретает вопрос обеспечения безопасности на острове после их ухода с территории Кипра. Сегодня существуют ясные признаки того, что процесс чрезмерной милитаризации Кипра, осуществляемый внешними силами, удалось приостановить и нормализовать. Однако, по мнению М. Флинн и Т. Кинга, такой уровень военного присутствия препятствует развитию доверия и институционализации связей между двумя общинами (2, с. 426).

Тем не менее в действительности статус-кво в полной мере удовлетворяет всех жителей Кипра. По мнению некоторых респондентов, нынешняя ситуация, может, и не идеальна, зато стабильна (2, с. 426–427). Хотя данные показывают, что статус-кво особенно не нравится грекам-киприотам, у них нет представлений о том, что могло бы прийти ему на смену. Таким образом, М. Флинн и

¹ Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК) (*United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (UNFICYP)*).

Т. Кинг приходят к выводу, что пассаж о «неприемлемости статус-кво» стал таким же общим местом в дискурсе киприотов, как и «кипрская проблема» (2, с. 427).

М. Флинн и Т. Кингу в ходе проведения исследования не раз приходилось слышать, что компетентные лица или аналитики из обеих общин преуменьшают данные, противоречащие официальной позиции их политических лидеров. Это относится, например, к проблеме желаемого государственного устройства Кипра. Формально обе стороны поддерживают идею нового федеративного кипрского государства, состоящего из двух равноправных субъектов. Однако один хорошо информированный источник подтвердил, что опросы, показывающие одобрение альтернативных моделей, умышленно оставляются без внимания чиновниками. А некоторые представители обеих общин рассказывали о том, что вынуждены прибегать к самоцензуре, чтобы не ухудшить свои карьерные перспективы (2, с. 427).

В заключение М. Флинн и Т. Кинг отмечают экономические и социальные причины, препятствующие разрешению кипрской проблемы сегодня.

Во-первых, Кипр состоит из двух экономически развитых самостоятельных и мало взаимодействующих друг с другом субъектов, имеющих, однако, взаимные подозрения и недоверие друг к другу (2, с. 427).

Во-вторых, барьер для торговли, контактов и перемещения людей в виде буферной зоны ООН на Кипре сохраняется во многом благодаря тому, что между сообществами отсутствует стремление к социальному взаимодействию (2, с. 427). Хотя большинство турок-киприотов высказываются за дальнейшее упрощение процедур пересечения демаркационной линии, греки-киприоты не поддерживают идею о прозрачной границе.

В-третьих, переговоры о воссоединении острова никак не связаны с повседневной жизнью киприотов, а их медленный темп указывает на то, что они не являются актуальными для политических элит (2, с. 427). Действительно, внутри двух кипрских общин существует социальный слой, чей статус и средства существования зависят от разделенности острова, причем в отношении своего политического класса представители обеих общин проявляют одинаковую отчужденность.

В-четвертых, вопросу о безопасности долгое время не уделялось достаточного внимания (2, с. 428). Милитаризацию острова удалось нормализовать: теперь ООН (для Юга) и турецкая армия (для Севера) являются внешними силами, гарантирующими безопасность двух сообществ. Акторы, участвующие в переговорах по разрешению конфликта или обеспечению безопасности, являются внешними сторонами, а внутри самого Кипра не наблюдается заметного желания как-то продвигать этот процесс вперед. Данные исследования четко говорят о том, что в настоящий момент пространство для сотрудничества между Севером и Югом острова остается весьма ограниченным. В целом для большинства киприотов сохранение статус-кво подходит наилучшим образом.

Под другим углом предлагают взглянуть на кипрскую проблему А. Апостолидис, К. Апостолидис и доктор Е. Гюръяй¹ в своей статье «Кипр: От конфликта к экономической взаимозависимости» (3). Авторы приводят результаты исследования экономического взаимодействия между турецкой и греческой частями острова, организованного Консорциумом экономики мира² (авторы статьи являются его членами).

В апреле 2003 г. были смягчены ограничения на пересечение «зеленой линии», вследствие чего количество пересекших ее киприотов достигло беспрецедентной величины, а опасения, что это может привести к росту насилия на острове, не подтвердились. Такая трансформация поведения киприотов привела к росту экономической взаимозависимости между двумя общинами.

Исследование экономической активности обеих кипрских общин дает основания для положительных выводов: взаимодействие не только способствует росту заинтересованности киприотов в разрешении проблемы, но и изменяет отношения между предста-

¹ А. Апостолидис – лектор Европейского университета Кипра; К. Апостолидис – приглашенный лектор Мальтийского университета; Е. Гюръяй – доцент факультета экономики и административных наук Ближневосточного университета Северного Кипра.

² Консорциум экономики мира (Peace Economics Consortium) – неправительственная организация, действующая на Кипре, членами которой являются как турки-киприоты, так и греки-киприоты. Она ставит перед собой задачу объединения экономистов из двух общин для решения общих проблем.

вителями двух общин, помогая преодолеть юридические, политические и психологические барьеры. Вместе с тем авторы отмечают, что на торговлю товарами приходится лишь небольшая доля общего объема экономического взаимодействия. К слову, в 2005 г. экспорт товаров из общины турок-киприотов (ОТК) в общину греков-киприотов (ОГК) составил 1,6 млн евро, а в 2009 г. – уже 6 млн евро, в то время как обратный поток экспорта за аналогичный период составил всего 0,2 млн евро и 0,8 млн евро соответственно (3, с. 432). Медленное развитие торговли между двумя общинами объясняется ограничениями, наложенными действующим законодательством. Переговоры относительно устранения этой преграды будут способствовать большему осознанию киприотами выгоды от разрешения конфликта.

Главным же фактором, который способствует росту экономической взаимозависимости между двумя общинами, по мнению авторов, была и остается мобильность киприотов, пересекающих «зеленую линию» для отдыха, посещения мест прежнего проживания, поиска работы, приобретения товаров и услуг. Большая часть экономических взаимоотношений между общинами приходится именно на активность индивидов, вступающих в экономические отношения с жителями другого сообщества. Так, в 2008 г. буферную зону пересекали 3 млн раз, в то время как общая численность населения Кипра составляет немногим более миллиона человек (3, с. 432). Официальная статистика часто не учитывает трат, совершаемых киприотами на территории другого островного сообщества. Число киприотов, посещающих другое сообщество, продолжает увеличиваться, несмотря на то что такое путешествие требует значительных временных и денежных затрат.

В 2007 г. один турист-южанин в среднем тратил на территории ОТК 162 евро за одно свое посещение (3, с. 432). Однако в 2009 г. из-за экономического кризиса траты на покупки, совершаемые на территории другого сообщества в течение одной поездки, сократились и составили 70 евро для турок-киприотов и 50 евро для греков-киприотов (3, с. 433). Мобильность киприотов положительным образом сказалась на экономике Кипра, например, она способствовала значительному увеличению спроса на розничном рынке ОГК, даже когда покупательная способность греков-киприотов упала.

Для ОТК и ОГК одинаково выгодно то, что турки-киприоты заняты в экономике ОГК, работая на предприятиях. Благодаря регистрации турецких рабочих в системе социального страхования РК, экономика ОТК в 2008 г. оказалась в плюсе на 45 млн евро, и это притом, что, по мнению авторов, эта цифра может быть еще увеличена, поскольку 22% турок-киприотов, работающих на территории ОГК, не имеют социальной страховки (3, с. 433). Для экономики ОГК, в свою очередь, положительное значение этого факта состояло в том, что в 2009 г. лечебные учреждения Юга посетили 19 665 турецких киприотов (3, с. 433). ОТК выгодно, что турки получают зарплату и пенсию от ОГК, где они могут также воспользоваться услугами здравоохранения. В свою очередь, экономика ОГК выигрывает от того, что турки-киприоты едут за платными образовательными услугами на юг Кипра. Другими словами, выгода от экономического взаимодействия является взаимной.

По оценкам исследователей, в 2008 г. сумма экономических сделок между Севером и Югом составила 311 млн евро, из которых 185 млн пришлось на долю ОТК и 126 млн – на ОГК. В 2009 г. экономический кризис несколько сократил эту сумму, и общий объем экономического взаимодействия составил 309 млн евро, из которых 191,9 млн приходилось на ОТК и 109 млн – на ОГК (3, с. 433). В 2009 г. большая часть полученной прибыли от такого взаимодействия была сосредоточена в оптовой и розничной торговле (ОТК и ОГК – по 63 млн евро) и в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса (ОТК – 46 млн евро, ОГК – 36 млн евро) (3, с. 433).

Особо примечательно, что такое взаимодействие сложилось спонтанно и без всякого стимулирования со стороны официальных властей. Киприоты, стремясь к выгоде, вступают в экономические отношения с соседним сообществом, невзирая на преграды в виде разделяющей остров «зеленой линии» и сохраняющегося недоброжелательного отношения между турками и греками острова.

Вместе с тем авторы говорят о наличии психологических факторов, ограничивающих желание вступать в экономическое взаимодействие у кипрских предпринимателей и потребителей. В их основе лежит негативное восприятие современной истории Кипра, а также непонимание того, поощряют ли официальные власти такое взаимодействие между общинами. К ним добавляются экономические факторы: некоторые фирмы и предприятия высту-

пают против расширения экономического взаимодействия, поскольку опасаются усиления конкуренции.

Однако в то же самое время происходит увеличение экономической взаимозависимости не только между киприотами, но и между предприятиями сферы ЖКХ. Существует замечательный пример сотрудничества греков и турок острова в сфере электроснабжения. Оно началось в 2006 г. после того, как электростанция ОТК сильно пострадала в результате аварии. Тогда власти ОТК обратились к лидерам ОГК, которые не замедлили оказать необходимую помощь. Затем, в июле 2011 г., вблизи главной электростанции ОГК произошел взрыв, что привело к значительному дефициту энергии в разгар туристического сезона. На основе соглашения 2006 г. недостающая электрическая энергия была запрошена у ОТК, чьи коммунальные предприятия вскоре осуществили поставку (3, с. 434). Такая поставка стала возможной, поскольку Закон о «зеленой линии» гласит, что электричество относится к той категории товаров и услуг, которыми общины могут торговать. Сотрудничество оказалось успешным; и греки-киприоты с июля 2011 г. по март 2012 г. приобрели электричества на сумму в 31 млн евро (3, с. 434).

По оценке авторов, увеличение экономической активности может в конечном счете гарантировать успешное разрешение кипрской проблемы (3, с. 434). Причем поддержка международного сообщества потребует лишь на начальном этапе урегулирования, когда будут необходимы серьезные затраты, связанные с переселением киприотов и возвращением принадлежащего им ранее недвижимого имущества.

Чтобы экономические выгоды от урегулирования кипрского вопроса для греков и турок острова стали еще более очевидными, необходимо, по мнению авторов, принять ряд мер, способствующих росту экономического взаимодействия. Большая роль в этом процессе авторами отводится политическим лидерам двух общин. Они должны четко высказываться в поддержку линии на усиление экономической активности между греками и турками Кипра. Первые шаги уже сделаны: открылись новые КПП, что сократило временные и денежные затраты киприотов, желающих пересечь буферную зону. Но пока остаются трудности с налогом на

добавленную стоимость, лицензиями на грузоперевозки и доступностью товаров, произведенных в другом сообществе (3, с. 435).

Устранению психологических барьеров поможет процесс размещения товаров, произведенных в одном сообществе, на полках магазинов другого сообщества, а также меры по налаживанию совместного экспорта в соседние страны и регионы. От такого сотрудничества выиграют производители и потребители обеих общин. Росту экономической взаимозависимости будут способствовать и меры, открывающие новые возможности для бизнеса (например, соглашение о роуминге). Необходимо продолжать успешное сотрудничество торговых палат двух сообществ в деле упрощения ведения бизнеса и заключения соглашений, носящих трансграничный характер. Если все эти меры будут приняты одновременно, то, по мнению авторов, экономическая польза от урегулирования кипрской проблемы станет очевидной для еще большего числа граждан Кипра.

После того как в мае 2004 г. Кипр вступил в ЕС, Брюссель стал играть особую роль в кипрской проблеме. Дж. Кирис¹ в своей статье «Европейский союз и кипрская проблема: История ограниченной воли» (4) предлагает обратить внимание на тот факт, что кипрская проблема уже давно перестала быть делом только турецкой и греческой общин, а стала важной темой в политической повестке дня всей Европы. В своем исследовании, осуществленном при поддержке Греческого государственного образовательного фонда (Greek State Scholarship Foundation) и Манчестерского университета, он анализирует трансформацию роли ЕС в кипрской проблеме в течение последнего десятилетия.

Желание Кипра присоединиться к ЕС было воспринято международным сообществом как «окно возможностей» для решения кипрской проблемы. Многие полагали, что обсуждение вопроса присоединения к ЕС будет стимулировать переговоры о воссоединении острова (4, с. 88). Однако, как полагает Дж. Кирис, в целом перспектива интеграции с ЕС оказалась контрпродуктивной для урегулирования кипрского конфликта (4, с. 88–89). Турки-киприоты были неприятно удивлены принятым в одностороннем

¹ Дж. Кирис преподает европейскую политику в Уорикском и Манчестерском университетах.

порядке решением правительства РК подать заявку на вступление в ЕС.

Несмотря на первоначально предусмотренную связь между решением кипрской проблемы и вступлением Кипра в ЕС, на состоявшемся на Корфу в 1994 г. заседании Европейского совета было заявлено, что Кипр будет включен в следующий список расширения ЕС вне зависимости от того, будет ли решен кипрский вопрос или нет (4, с. 89). Фактически это означало, что греко-киприотская РК получает возможность вступить в ЕС, в то время как вхождение части острова, контролируемой турками-киприотами, произойдет лишь после создания нового двусоставного кипрского государства (4, с. 89).

К началу XXI в. перспективы окончательного урегулирования кипрской проблемы выглядели туманно. На первой фазе интеграции Брюссель так и не сумел стать катализатором объединения острова и налаживания межобщинного мира. Главной ошибкой ЕС на данном этапе, по мнению Дж. Кириса, стало обсуждение вступления Кипра в ЕС безотносительно разрешения кипрской проблемы. В результате ЕС потерял возможность влиять на греков-киприотов, обретших статус члена ЕС, и подталкивать их к поиску компромиссного решения проблемы Кипра (4, с. 90). Одновременно с этим Брюссель так и не удалось содействовать появлению ориентированной на поиск компромисса позиции и у турок-киприотов. Многие авторы отмечают, что ЕС в отношении турецкой общины отводил слишком большую роль экономическим стимулам и недооценил важность опасений общины, связанных с ее ролью в новом двусоставном государстве. Кроме того, росту евроскептицизма в северной части острова способствовала озабоченность турок-киприотов своей безопасностью в случае вступления в ЕС, членом которого является только Греция.

Перспективы разрешения кипрского вопроса стали более обнадеживающими после начала официальных переговоров о вступлении Кипра в ЕС в 1998 г. Более значимым для кипрской проблемы стало изменение традиционно жесткой позиции Турции в отношении Кипра после победы партии «Справедливости и развития» Р.Т. Эрдогана в 2002 г. на парламентских выборах. В ноябре того же 2002 г. ООН предложила обеим сторонам конфликта так называемый «план Аннана».

К «плану Аннана» стороны конфликта отнеслись весьма по-разному. Так, несмотря на свой евроскептицизм, община турок-киприотов, осознав все потенциальные выгоды от интеграции с ЕС, поддержала предложенный ООН документ. В декабре 2003 г., впервые в истории турецкой общины, на выборах победу одержала партия, ориентирующаяся на разрешение конфликта путем поиска компромисса. Итоги этих выборов показали, что турки-киприоты нацелены на урегулирование проблемы и желают вступить в ЕС. Через несколько месяцев, одобрив «план Аннана», они высказались за объединение острова и вступление Кипра в ЕС (4, с. 91).

В сообществе греков-киприотов отношение к «плану» оказалось диаметрально противоположным. Первоначально и Греция, и сообщество греков-киприотов поддержали проект окончательного урегулирования, предложенный ООН. Однако в феврале 2003 г. на выборах в РК победил Т. Пападопулос, известный своей жесткой позицией по кипрскому вопросу. Благодаря поддержке со стороны элиты ему удалось создать условия для того, чтобы на референдуме «план Аннана» был отклонен. На референдуме греки-киприоты подавляющим числом голосов – 76% – отвергли план объединения, и Кипр вступил в ЕС в качестве разделенной страны (4, с. 92).

По мнению Дж. Кириса, «сама перспектива европейской интеграции для налаживания отношений между двумя общинами, проживающими на Кипре, в целом оказалась непродуктивной, поскольку в период, предшествовавший вступлению Кипра в ЕС, Брюссель лишь способствовал тому, что позиции сторон стали еще более негибкими» (4, с. 90). В частности, ЕС не смог способствовать выработке необходимой позиции у греков-киприотов. Последние полагали, что если Кипр вступит в ЕС в качестве объединенного государства, то в дальнейшем они будут оставлены один на один с турками-киприотами и Турцией. Однако, с другой стороны, Дж. Кирис отмечает, что «ЕС вызвал исторически важные изменения в сознании членов общины турок-киприотов» (4, с. 92). Несмотря на свой евроскептицизм, турки-киприоты, осознав пользу от объединения острова и последующего вступления в ЕС, поддержали «план Аннана» и ту часть политической элиты, которая ратовала за его принятие.

После того как в 2004 г. Кипр стал членом ЕС, роль Брюсселя в кипрской проблеме возросла, но ЕС по-прежнему оставался неспособным сдвинуть ее с мертвой точки. Кроме того, после вступления в ЕС Кипра наблюдается дисбаланс в отношениях между Турцией и турками-киприотами, с одной стороны, и Грецией и греками-киприотами – с другой. Помимо того что статус члена ЕС увеличивает уверенность греков-киприотов в своих силах и снижает мотивацию к сотрудничеству в разрешении кипрского вопроса, правительство РК активно пользуется преференциями, извлекаемыми из своего статуса для упрочения своих позиций в конфликте. Так, например, оно наложило вето на развитие торговых связей между ЕС и общиной турок-киприотов. Кроме того, РК сыграла важную роль в процессе затягивания переговоров о вступлении Турции в ЕС. РК, помимо прочего, пыталась наложить вето и на турецкое участие в переговорах между ЕС и охваченной гражданской войной Сирией (4, с. 92–93).

Однако более интересными, по мнению автора, являются изменения, произошедшие в общественном мнении турок-киприотов. После того как Кипр вступил в ЕС, Брюссель объявил о своем намерении оказывать помощь общине турок-киприотов (4, с. 93). Исходя из этого, Европейский совет намерен предпринимать меры, направленные на прекращение изоляции сообщества и развитие его экономики, с тем чтобы облегчить воссоединение Кипра в будущем. Помощь экономическому развитию Севера, оказываемая ЕС, регламентируется двумя нормативными актами: «О финансовой помощи» (Financial Aid Regulation) и «О зеленой линии» (Green Line Regulation) (4, с. 93). В первом из них в качестве задач обозначены социальное, экономическое и политическое развитие сообщества, а также подготовка к введению единого европейского законодательства на территории общины турок-киприотов¹. Второй ставит своей целью упростить экономическое взаимодействие между двумя общинами, причем приоритетным является развитие менее развитого севера острова.

¹ Несмотря на то что остров вошел в ЕС целиком, на территории общины турок-киприотов не действуют законы ЕС, поскольку она не находится под контролем РК.

Европейская комиссия разработала также и закон «О прямой торговле», который должен был способствовать налаживанию экономических связей между государствами – членами ЕС и общиной турок-киприотов и тем самым способствовать прекращению изоляции турецкой части острова. Однако РК наложила на него свое вето, вернув его тем самым на повторное рассмотрение.

Исходя из этого, Дж. Кирис полагает, что значимость ЕС для турок-киприотов значительно увеличилась, поскольку ЕС является «мостом», связывающим изолированное сообщество с остальным миром (4, с. 94). Оказанная Брюсселем финансовая помощь стала движущей силой экономического развития сообщества и катализатором значительных внутренних изменений. В настоящий момент усилия Брюсселя концентрируются на решении первостепенных проблем и подготовке общины турок-киприотов к вступлению в ЕС.

Однако, несмотря на усилия ЕС, турецкие киприоты все еще остаются в значительной степени вне экономической и политической сферы ЕС и, следовательно, не имеют доступа к некоторым преимуществам: на севере острова не действует законодательство ЕС, заморожено действие торгового соглашения. Именно поэтому потенциальное вступление в ЕС (которое станет возможным только после решения кипрской проблемы) продолжает подталкивать турок-киприотов к поиску компромисса (4, с. 94). Трудность состоит еще и в том, что, хотя проевропейская ориентация турецких киприотов по-прежнему существует, она стала намного менее выраженной. Так, если в 2005 г. 71% турецких киприотов относились к членству в ЕС положительно, то в 2011 г. их число сократилось до 48% (4, с. 94). Некоторые из опрошенных автором представителей местной элиты связали снижение популярности ЕС с неспособностью Брюсселя предоставить туркам-киприотам необходимые стимулы.

Многие из опрошенных особо подчеркнули, что «ЕС так и не выполнил свое обещание положить конец международной изоляции общины, а также сократил объем оказываемой общине турок помощи (особенно в сравнении с помощью, оказываемой Турцией)» (4, с. 94–95). Результатом такого снижения популярности ЕС в общине турок стало нежелание искать компромиссное решение. Возможно, самым ярким проявлением этой тенденции стала побе-

да на выборах в 2009 и 2010 гг. политических сил, ратующих за более жесткую позицию в отношении греков-киприотов.

Вступление Кипра в ЕС в 2004 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса интеграции и начало нового, европейского, периода в истории этого средиземноморского острова. Но после вступления Кипра в ЕС наблюдалось сокращение стимулов: «ЕС действительно играет важную роль в разрешении проблемы Кипра, но его роль – это не роль актора, способствующего поиску компромисса» (4, с. 95). Несмотря на возросшую значимость ЕС для Кипра, Брюссель так и не удалось способствовать разрешению межобщинного конфликта.

Тем не менее ЕС играл важную роль как до 2004 г., когда он подталкивал обе стороны к поиску компромисса, так и после вступления Кипра в ЕС, когда восприимчивой к стимулам осталась лишь община турок-киприотов. В этом контексте, по мнению автора, Брюссель стал заложником сложного процесса интеграции Кипра в Европу, а меры, предпринимаемые им для решения кипрского вопроса, хотя и являются важными для сторон конфликта, все же остаются недостаточными.

Список литературы

1. Soto A. de. Can Cyprus be solved? // Peace review: A j. of social justice. – 2012. – Vol. 24, N 4. – P. 398–405.
2. Flynn M.K., King T. Deadlock and (mis)trust in Cyprus // Peace review: A j. of social justice. – 2012. – Vol. 24, N 4. – P. 421–429.
3. Apostolides A., Apostolides C., Güray E. From conflict to economic interdependence in Cyprus // Peace review: A j. of social justice. – 2012. – Vol. 24, N 4. – P. 430–437.
4. Kyris G. The European Union and the Cyprus problem: a story of limited impetus // Eastern j. of European studies. – 2012. – Vol. 3, N 1. – P. 87–99.

Е.Г. Довбыш